

19. Cook G. Discourse and Literature : The interplay of form and mind, 2nd impr. / G. Cook. – Oxford : OUP, 1995.
20. Dijk van T. A. Studies in the Pragmatics of Discourse / T. A. Dijk. – The Hague, Paris : Mouton de Gruyter, 1982.
21. Harris Z. Discourse analysis / Z. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28. – P. 1–30.

Шевченко Ирина Семеновна – доктор филологических наук, профессор. Работает в рамках филологической научной школы

В НУА работает с 1994 года. Преподает учебные дисциплины: «Теория языковой коммуникации», «Теоретическая грамматика английского языка», «Литература страны, язык которой изучается (англ.) для переводчиков» и др.

Сфера научных интересов: историческая прагмалингвистика, историческая когнитивная лингвистика, семантика, когнитивная прагматика, дискурсология, социоллингвистика, переводоведение.

Под ее руководством защищено 10 кандидатских и 1 докторская диссертация.

Имеет более 120 научных публикаций.

УДК 81'373.612.2

И. С. Шевченко

КОГНИТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕПРЯМОЙ НОМИНАЦИИ

В статье рассмотрена когнитивная метафора (и языковая, и образная) как результат когнитивных операций, основанных на интеграции когнитивных пространств. Проведен анализ определения их типа и степени подобия, спектра и диапазона метафоры, типовых сценариев, которые отображают характерные для сферы-корелята последовательности ситуаций, тип связи корелятивных и референтных областей и т. д.

Феномен метафоры и метонимии универсален и, по образному выражению, пронизывает нашу жизнь, оставаясь объектом пристального внимания на протяжении тысячелетий. Сегодня они стали одним из важнейших направлений современной когнитивной лингвистики, имея при этом весьма различные трактовки: только за последние несколько лет в отечественной лингвистике получили развитие идеи метафоры, метонимии, метафтонимии [1; 2; 4; 5; 9; 11; 12; 13; 18 и др.]. В дискуссии на страницах журнала *Cognitive Linguistics* Золтан Ковечеш, Вивьен Эванс и другие высказали полярные взгляды на их исследования [17; 14], что обусловило актуальность данной статьи и ее цель – систематизировать существующие в когнитивной лингвистике подходы и очертить проблемы анализа не прямой номинации. При этом лексикология, стилистика, когнитивная лингвистика трактуют данное явление по-разному, что заставляет начать с разграничения так называемой языковой, стилистической и концептуальной метафор.

Для разграничения сущности понимания метафоры в названных дисциплинах и подходах целесообразно использовать параметры исходной исследовательской парадигмы, единиц анализа, механизма переноса значения, функций метафоры и характера ее употребления в дискурсе. Применение этих критериев показывает, что с точки зрения теории номинации – основы классической лексикологии и лексикографии – явление непрямого именованья рассматривается как результат, закрепленный в системе языка. Именно слово служит единицей, которая содержит указание на переносное значение уже в своем лексикографическом описании. Закрепленность переносного значения в словарной дефиниции слова дает возможность трактовать его как «мертвую», языковую метафору (*носик чайника, дверной глазок* и т. п.), реализуемую словом. Согласно сравнительной теории метафоры, восходящей к работам Аристотеля, метафора основана на подобии: номинации *шляпка гриба/звезда* не предполагают появления нового понятия, а являются результатом словообразовательного процесса, здесь метафора выполняет чисто номинативную функцию, хотя имя, полученное предметом, может способствовать обнаружению его особенностей. То есть, с точки зрения лексикологии, метафора как языковое явление, фиксирующее сходства и различия

вещей, облегчает проникновение в природу вещи и может становиться инструментом ее познания.

В отличие от лексикологии стилистика опирается на принципы функционализма и исследует речевой материал, в частности, текст, в котором закреплены результаты авторской вторичной номинации. Как правило, цель образной метафоры – повышение эмоционального воздействия текста (еще Аристотель указывал, что метафора – украшение речи). Объясняя метафору в терминах теории взаимодействия, Ричардс, Блэк и другие указывают на существование метафоры не только в языке, но и в мышлении, то есть сама *мысль* о предметном мире формируется через сравнение [3; 7]. Так акцентируется гносеологическая, познавательная функция метафоры, которую она выполняет одновременно с коммуникативной функцией. Не случайно разновидность этой функции – экспрессивно-оценочную или поэтическую – В. Н. Телия считает основной в метафоре [8]. Это «живая» метафора, единичная и свободно не воспроизводимая, существующая в речи как артефакт. Тем самым «мертвые» (языковые) и «живые» (авторские) метафоры могут быть противопоставлены как явления языка и речи.

Как отмечает проф. Наер, концептуальная метафора – узуальное явление, она независима от контекста, воспринимается автоматизировано и однозначно, сближаясь с «мертвой», а ее эстетический потенциал «близок к нулю» [6].

В когнитивистике метафора трактуется как средство концептуализации, средство познания и вербализации познаваемого. Если в подходе, ориентированном на образность метафоры, внимание сосредоточено на форме, ее стилистической роли и эстетической значимости, то в когнитивном подходе – на содержании и когнитивных операциях, в частности, перекрестном картировании, описанном в теории концептуальной интеграции или блендинга Ж. Фоконье и М. Тернером [10; 15]. Согласно этой теории, два вводных пространства (input spaces) соответствуют концептуальному референту и концептуальному корреляту метафоры. Порождающее пространство (generic space), содержащее концептуальную структуру, общую для обоих вводных пространств, соответствует зоне перекрестного картирования. В интегративном пространстве или бленде (blended space) информация,

частично содержащаяся во вводных пространствах, комбинируется и аранжируется в соответствии с концептуальной структурой порождающего пространства, формируя значение метафоры. Так, в метафоре *France rejected EU constitution* (Франция отвергла европейскую конституцию) высвечены лишь часть концептуальных признаков Франции как географического образования, имеющего историю, культуру и т. п., а именно, признак электорального большинства, положенный в основу метафоры [14].

Еще один параметр не прямой номинации – связь коррелятивного и референтного концептов или доменов – отмечает Дж. Барнден: в языковой метафоре типа *army ant*, *енот-полоскун* и др. эта связь сохраняется (source / target link survival) [13]: в основе метафорической номинации – сходство поведения животного и человека, муравья и солдата.

Следует отметить существенные различия языковых метафор по степени вербализованности вводных пространств: в случае частичной вербализованности из двух вводных пространств метафоры лишь коррелят имеет языковое выражение – лексемы *army*, *полоскание*, в то время как референт – вид муравья или енота – не имеет собственного языкового выражения кроме общей родовой лексемы *ant*, *енот*. В результате картирования таких признаков коррелятивных доменов, как хождение строем или полоскание пищи в воде перед ее употреблением, образуется интегративное пространство – номинация вида, вербальное представление которого сохраняет вводные лексемы.

Если концептуальный референт невербален (ср. появление нового термина), а коррелят имеет языковое выражение, то в результате картирования релевантных признаков коррелятивного концепта на пространство референта образуется интегративное пространство – переносная номинация, например, *revolution* (ME) – «обращение небесных светил», после ряда смен общественно-политического строя в странах Европы с феодального на буржуазный получает значение «революция» [19] в результате высвечивания семы «поворот». Этот процесс приводит к полисемии лексем: *глаз человека – дверной глазок*, *перо птицы – перо стальное*. В обоих случаях концептуальная коррелятивно-референтная связь в языковой метафоре

сохраняется. При этом ведущая функция языковой метафоры – номинативная, а стилистической – эмотивно-оценочная, например, *перо птицы (нейтр.) – перо (жарг.) «остро заточенный нож»*.

Различие в характере коррелятивно-референтной связи позволяет отграничить «живую» и «мертвую» метафоры. Так, по мнению Дж. Барндена, в метафоре *My job is a jail* (моя работа – это тюрьма) имплицитно присутствует связь коррелята и референта, включающая по меньшей мере часть признаков концептов JOB и JAIL. Эту связь можно рассматривать как подобие (similarity): и работа, и тюрьма ограничивают свободу, от / из них трудно сбежать [13, с. 5]. Напротив, в концептуальной структурной метафоре *Он направил дискуссию в нужное русло* связь концептов ДИСКУССИЯ и РЕКА (река имеет берега – границы и течение, которое можно изменить) менее эксплицитна, что позволяет говорить о градуальной представленности коррелятивно-референтной связи в метафоре.

В развитие теории когнитивной метафоры З. Ковечеш в 2010 г. предлагает дополнить существующие принципы анализа создания метафор параметрами культурного контекста, физического окружения, социальных факторов. Он показывает, как культурный контекст объясняет большую продуктивность метафор КОРАБЛЯ в английском языке по сравнению с французским, где доминирует ЕДА и др., а социально-исторический контекст объясняет, почему в венгерском преобладает метафора *life is war, life is compromise* по сравнению с американскими *life is a game, life is precious possession* [17, с. 669]. Для таких примеров Ковечеш вводит термин контекстно-обусловленных метафор (context induced metaphors, creativity) [17, с. 665], при этом отмечая, что глобальный контекст, объединяющий всех членов определенного лингвокультурного сообщества, обуславливает наличие универсальных метафорических моделей, а локальный контекст объясняет их варьирование [17, с. 667].

Метафора – это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. Принято различать ориентационные метафоры (они опираются на пространственные оппозиции типа «верх – низ», «центр – периферия», «больше – меньше» и т. п.), онтологические метафоры (например, представление неодушевленных предметов как живых существ) и структурные метафоры, которые дают возможность

использовать одну понятийную сферу для описания другой. В последнем случае выборы нередко описываются как боевые действия (*победа на выборах*), жизнь человека – как путешествие. Поскольку, как отмечает З. Ковечеш, для более полного осмысления референтного домена требуется, как правило, не один, а несколько коррелятивных доменов. (Коррелятивные домены, привлекаемые для метафорического осмысления сущностей, относящихся к одному и тому же референтному домену, образуют диапазон концептуальной метафоры, а набор референтных концептов, на которые проецируются активированные составляющие коррелятивного домена, – спектр концептуальной метафоры.)

В последние годы наряду с моделями концептуальной метафоры все чаще и чаще описываются метонимические модели, которые также рассматриваются как своего рода схемы человеческого мышления.

В поисках различия метафоры и метонимии указывают, что компаративные отношения подобия в метафоре объединяют референт и коррелят, относящиеся к разным понятийным сферам; например, *весь мир – театр* – здесь живые существа и феномен культуры разведены в пространстве, их объединение – лишь мысленный конструкт. Напротив, в метонимии референт и коррелят имеют точки соприкосновения, как в случае переноса по типу репрезентант – вместо репрезентации, например, *В этом фильме Шварценеггер спасает мир от ядерной угрозы*, где имя актера замещает имя сыгранного им персонажа.

Как ни парадоксально, вопрос о разграничении метафоры и метонимии остается открытым. Если В. Эванс, З. Ковечеш и другие допускают наличие четких критериев их разграничения [14; 17], то Л. Гуссенс, А. Барселона, И. Трубенко выделяют случаи их объединения в метафтонимию [16; 12; 9], а Дж. Барнден доказывает ненадежность всяких критериев их разграничения [13]. Действительно, в приведенном примере *Франция отвергла евроконституцию* метафора-персонификация совмещает и партививную метонимию (перенос *отдельные избратели ! все избратели, вся страна*).

Суммируя, следует отметить, что термины «языковая», как и «образная» метафора, – скорее дань традиции, ибо всякий

ономасиологический процесс в широком смысле есть результат когнитивной деятельности, поэтому и формирование закрепленной в языке «мертвой» и авторской «живой» метафор может быть объяснено с помощью соответствующих когнитивных операций, а их классификации дополнены типологией по параметру коррелятивно-референтной связи.

Метафора и метонимия – лишь удобные способы описать широкий спектр размытых явлений. Более перспективным сегодня представляется изучение лежащих в их основе когнитивных операций, что даст ответ на вопрос о типе и степени подобия, о спектре и диапазоне переносных наименований, о типовых для данной модели сценариях, которые отражают наиболее характерные для понятийной сферы-коррелята последовательности ситуаций и т. п.; это позволит описать относящиеся к данной модели фреймы, выяснить характер компонента, который связывает коррелятивные и референтные области охватываемых данной моделью единиц, то есть решить перспективные проблемы выявления оснований для метафорического использования соответствующих концептов и доменов, причин того, почему понятийная структура сферы источника оказывается подходящей для обозначения элементов совсем другой сферы и т. п.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Тожество и подобие (Заметки о взаимодействии концептов) / Н. Д. Арутюнова // Тожество и подобие, сравнение и идентификация / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М., 1990. – С. 7–33.
2. Баранов А. Н. Русская политическая метафора : материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М., 1991.
3. Блэк М. Метафора / М. Блэк ; [пер. с англ. М. А. Дмитриевской] // Теория метафоры / [вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной]. – М., 1990. – С. 153–173.
4. Бровченко И. В. Составляющие метафоры с позиций традиционной и когнитивной теорий / И. В. Бровченко // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2010. – № 897. – С. 54–60.
5. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М., 1996.

6. Наер В. Л. Концептуальная и стилистическая метафора: общее и различное / В. Л. Наер. – Вестн. МГЛУ. – 2003. – № 474.

7. Ричардс А. Философия риторики / А. Ричардс ; [пер. с англ. Р. И. Розиной] // Теория метафоры / [вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной]. – М., 1990. – С. 44–68.

8. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М., 1988. – С. 173–205.

9. Трубенко І. А. Художня метонімія та її дискурсивний потенціал у прозі англійського модернізму (на матеріалі творів В. Вульф і Д. Г. Лоуренса) : автореф. дис. ... канд. філол. наук / 10.02.04 – германські мови / І. А. Трубенко. – КНЛУ, 2010. – К., 2010. – 20 с.

10. Фундаментальные направления современной американской лингвистики : сб. обзоров. – М. : Изд-во МГУ, 1997.

11. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

12. Barcelona A. On the Plausibility of Claiming Metonymic Motivation for Conceptual Metaphor / A. Barcelona // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / ed. A. Barcelona. – Berlin, New York : Mouton, 2000. – P. 31–58.

13. Barnden J. A. Metaphor and metonymy: Making their connections more slippery / J. Barnden // Cognitive Linguistics. – 2010. – V. 21, No 1. – P. 1–34.

14. Evans V. Figurative Language Understanding in LCCM Theory / V. Evans // Cognitive Linguistics. – 2010. – V. 21, No 4. – P. 601–662.

15. Fauconnier G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York : New York Basic Books, 2002. – 440 p.

16. Goosens L. Metaphonymy: the interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic action / L. Goosens // Cognitive Linguistics. – 1990. – Vol. 1–3. – P. 323–340.

17. Kovecses Z. A new look at metaphorical creativity in cognitive linguistics / Z. Kovecses // Cognitive Linguistics. – 2010. – V. 21, No 4. – P. 663–697.

18. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : Chicago University Press, 1980. – 242 p.

19. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.etymonline.com.

Артеменко Людмила Александровна – почетный профессор НУА. Работает в рамках филологической научной школы

В НУА работает с 1994 года. Почетный профессор ХГУ «НУА». Преподает общий курс английского языка, деловой английский язык, английский для профессиональных целей.

В рамках научно-методических исследований разрабатывает тематику «Проблемы изучения и преподавания английского языка: теоретический, прикладной и гуманитарный аспекты».

Имеет более 50 научных публикаций.

УДК 811.111'282.4(73)

Л. А. Артеменко

АМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: СЛЕНГ, ДИАЛЕКТЫ, АКЦЕНТЫ

На примере американского английского языка в статье рассматриваются такие языковые явления, как сленг, диалект, акцент, не входящие в нормативную английскую устную и письменную речь.

Проблема функционирования английского языка как динамической системы реализуется в самых разнообразных модификациях – как глобальных, так и локализованных, как стандартно-нормативных, так и выходящих за рамки литературной нормы.

Такие языковые явления, как сленг, диалект, акцент являются предметом исследования различных лингвистических дисциплин: лексикологии, стилистики, грамматики, фонетики [5, 7, 8, 15, 16, 17].

Все возрастающая мобильность студентов: учеба за рубежом,